

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В РЕВОЛЮЦИИ (1917 ГОД)

Александр Шубин

Abstract

When examining the causes of the revolution of 1917 in the Russian Empire, and the course it took, we always face not only social but also national factors. The resolution of national aspirations was intertwined with the social aspirations of the revolution, and we have to admit that national mobilisation would often lose to social mobilisation. This paper shows the interaction between those factors, mainly on the basis of the Ukrainian and Transcaucasian cases, and reveals how the development of events on national peripheries directly affected events at the centre, and vice versa. The social explosion of 1917 that broke out in Imperial Petrograd was echoed by a national mobilisation that forced the centre to make concessions to the peripheries. The subsequent success of the Bolsheviks, and the national disintegration on the peripheries, was affected by the balance created between the unique social project and national factors, as well as the readiness not to block the way to national sovereignty and cultures, provided governance in the national area was arranged in compliance with the Soviet model. Key words: social revolution, nationalities question, national mobilisation, Russian Empire, Bolshevism.

120

Anotacija

Tyrinédami, kas sukélė Rusijos imperijoje 1917 m. prasidėjusią revoliuciją ir kaip ji vyko, susiduriame ne vien su socialiniais, bet ir su nacionaliniais veiksniais. Nacionalinių siekių sprendimas buvo susipynęs su socialiniais revoliucijos siekiais, ir nacionalinė mobilizacija, reikia pasakyti, dažnai pralaimėdavo socialinei. Straipsnyje atskleidžiama šių veiksnių sąveika, daugiausia remiantis situacijos Ukrainoje ir Užkaukazėje pavyzdžiais. Jame nagrinėjama, kaip įvykių plėtojimasis nacionalinėse periferijose tiesiogiai veikė įvykius centre ir atvirkščiai. 1917-ųjų socialinį sprogamą, kilusį imperijos centre Petrograde, Rusijos pasienio periferijose atliepė nacionalinė mobilizacija, vertusi centrą daryti nuolaidas periferijoms. Vėlesnei bolševikų sėkmei ir nacionalinei dezintegracijai periferijose turėjo įtakos savito socialinio projekto ir nacionalinių veiksnių balanso sukūrimas bei pasirengimas neužkirsti kelio nacionaliniam savarankiškumui ir kultūroms, jeigu valdžia nacionaliniuose regionuose bus rikiuojama pagal tarybinį modelį. Pagrindiniai žodžiai: socialinė revoliucija, nacionalinis klausimas, nacionalinė mobilizacija, Rusijos imperija, bolševizmas.

Aleksandr Shubin (Александр Шубин), dr. (доктор исторических наук), Head of the Centre for Russian, Ukrainian and Belarusian Studies, Institute of World History (Институт всеобщей истории), Russian Academy of Sciences, Leninskii prospekt 32 A, Moscow, 119334, Russia. Email: shubinav@mtu-net.ru.

Когда мы исследуем причины и ход революции, начавшейся в Российской империи в 1917 г., наряду с социальными факторами мы неизменно обращаемся к национальному потоку. В национальных историографиях эти события часто рассматриваются как самостоятельные революции, феномен лишь национальной истории («Украинская революция», борьба за независимость государств Балтии и Закавказья и др.). Но все эти национальные потоки являются в то же время и частью большого комплекса – Великой Российской революции 1917–1922 гг. (русской эта революция называется не в связи с принадлежностью к современной Российской Федерации, а потому, что разразилась на территории распадающейся Российской империи).

Развитие событий в национальных окраинах самым непосредственным образом влияло на события в центре и наоборот. Прежде всего я буду иллюстрировать эту мысль на примере Украины и Закавказья, но и положение в Балтии (особенно в связи с германским фактором) не было исключением.

121

Еще одно важное методологическое положение. Решение национальных задач было переплетено с социальными задачами революции. И национальная мобилизация часто проигрывала социальной. Соотношение этнонациональных и социальных факторов в революционном процессе составляет центральную проблему оценки роли национального фактора в революции.

При этом важно помнить о глубокой связи социальной революции и национализма (которое иногда так и характеризуется как национальные задачи революции). Современная нация – продукт индустриальной модернизации с ее стремлением к стандартизации – в том числе стандартизации культуры, которую несет с собой нация. Процесс модернизации сопровождается социальными революциями и другими аналогичными потрясениями. Эта взаимосвязь ставит дилемму «социальное-национальное» в большинстве революций, происходящих на стадии перехода от традиционного общества к индустриальному.

Импульс из центра и национальный отклик

Социальный взрыв 1917 г., исходящий из центра Империи, из Петрограда, своей волной «накрыл» самые разные социумы – от этнически консолидированной в своем территориальном ядре Польши до этнической чересполосицы Кавказа, от среднеразвитых (для своего времени) аграрно-индустриальных европейских территорий Российской империи до Средней Азии.

После сообщений о падении самодержавия практически во всех «национальных окраинах» Российской империи возникли три политических центра: объ-

единение общественности, лояльной Временному правительству, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые поддерживали правительство «постольку – поскольку», и национальные объединения, выступавшие за национально-территориальную автономию своих регионов. Большинство из них не ставило вопрос о независимости и видело будущее России как федерации. Также формировались национальные партии, которые дублировали общероссийский политический спектр, но с национальной спецификой.

Сильнейшими национально-политическими центрами были Центральная рада на Украине, Армянский национальный совет, парламент Финляндии. За исключением последнего эти органы не избирались, а формировались из национальных партий. Сильные национальные партии действовали также в Азербайджане и Грузии, например, но грузинские социал-демократы, доминировавшие в этой стране, до осени 1917 г. были активно вовлечены в общероссийские дела.

Судьба национальных движений зависела от их способности создать собственные вооруженные формирования. Здесь наибольших успехов достигли Украина, Армения, Грузия и Финляндия (тюркские народы отставали, так как в Российской империи большинство их населения не служило в армии).

5–8 мая 1917 г., например, прошел I всеукраинский войсковой съезд, 700 делегатов которого представляли до 900 тысяч солдат и офицеров. Съезд выступил за создание украинизированных частей и национально-территориальную автономию, избранный им Украинский военный генеральный комитет вошел в Центральную раду, обеспечив ее связь с войсками. Из оказавшихся в тылу солдат – украинцев, а затем и из украинцев на фронте создавались украинизированные части.

Создание национальных частей серьезно снижало и боеспособность Кавказского фронта.

Особенно важной для судеб революции была ситуация на Украине – и в силу положения фронта, и в силу богатых ресурсов страны, и из-за энергичности лидеров национального движения, стремившихся определить ее территорию в как можно более широких рамках с как можно более широкой автономией.

18 мая в Киеве Александр Керенский предложил лидерам Центральной рады поддержать Временное правительство. При этом А. Керенский не возражал против автономизации Украины. Но он считал принципиально важным проведение любых принципиальных решений через Учредительное собрание. «Вы говорите о санкционировании Учредительным собранием готового факта, а мы хотели бы, чтобы Учредительное собрание положило бы начало этому факту»¹. Воз-

¹ Цит. по: ЖУКОВ, Ю. *Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи – к СССР*. Москва, 2011, с. 61.

возможность создания автономии Учредительным собранием была подтверждена Временным правительством 13 июня. Лидеры Центральной рады настаивали на том, чтобы Временное правительство сразу признало автономию, а уже затем эту реальность может санкционировать Учредительное собрание.

Для исследования этого вопроса правительством была создана комиссия в составе товарищей министра внутренних дел Дмитрия Щепкина и Сергея Урусова, юристов профессоров Сергея Котляревского и Николая Лазаревского. Комиссия предложила вариант автономии пяти губерний с наибольшей долей украинского населения – Киевской, Черниговской, Волынской, Подольской и Полтавской.

Особенно решительно против автономии выступали кадеты, приверженные идее единой и неделимой России. Эсеры были федералистами, но в своей политике шли на уступки кадетам, опасаясь за судьбу правительственного блока. Поэтому они относили решение всех крупнейших политических вопросов к прерогативе Учредительного собрания, выборы в которое надеялись выиграть. А пока правительство выступало против предоставления Украине специфического статуса.

Не добившись соглашения с Временным правительством, украинское национальное движение усилило давление на центральную власть, запланировав II Всеукраинский воинский съезд. Этот съезд был запрещен военным министром А. Керенским, но все равно собрался и 10 июня провозгласил принятый в тот же день Комитетом Центральной рады Универсал. В этом документе, который получил название Первого Универсала Центральной рады, говорилось: «Не отделяясь ото всей России, не разрывая с российским государством, пусть украинский народ на своей земле имеет право сам управлять своей жизнью. Пусть порядок и строй на Украине определит избранное общим, равным, прямым и тайным голосованием Всенародное Украинское Собрание (Сейм)». Универсал требовал от каждого органа местной власти, который «стоит за интересы украинского народа», установить организационные сношения с Центральной радой. Прежде всего, Универсал обращался к «членам нашей нации», но также выражал надежду, что «неукраинские народы, которые живут на нашей земле», примут участие в создании украинской автономии. Важным шагом стало решение ввести налог в пользу Украины². Универсал был торжественно провозглашен на Софийской площади Киева в присутствии делегатов войск. 15 июня был создан исполнительный орган Рады – Генеральный секретариат во главе с Володимиром Винниченко. Успехи Центральной рады были обусловлены тем, что она смогла заручиться поддержкой солдат-украинцев. Впрочем, поддержка эта была очень относительной, и, возвращаясь на фронт, солдаты подвергались там большевизации, а не дальнейшей украинизации. Однако, в отли-

² *Українська Центральна рада. Документи і матеріали. У двох томах. Т. 1: 4 березня – 9 грудня 1917 р.* Упоряд. В. ВЕРСТЮК. Київ, 1996, с. 101–105.

чие, например, от белорусских националистов, лидеры украинского движения смогли сформировать надежные воинские части, подчинявшиеся Раде.

Временное правительство реагировало на эти события враждебно. 13 июня, признав принципиальную возможность создания автономии в будущем, оно резко осудило I универсал. Но правительство не имело возможности пресечь «самоуправство» Центральной рады, и вынуждено было договариваться. 29 июня четыре российских министра – А. Керенский, Николай Некрасов, Ираклий Церетели и Михаил Терещенко – прибыли в Киев на переговоры. Теперь они уже были согласны предоставить Украине автономию с последующим утверждением ее Учредительным собранием. Для этого планировалось подписать соглашение, после чего стороны публично декларировали бы единство своих действий. В Центральную раду должны были быть включены представители неукраинского населения, чтобы она представляла всех граждан Украины. Таким образом, в результате переговоров автономия приобретала территориальный, а не национально-территориальный характер, хотя и с национально-пропорциональным представительством (пропорции определялись в результате переговоров между лидерами Центральной рады и представителями «меньшинств» – Раду дополнили 202 действительных члена и 51 кандидат). При Временном правительстве должна была быть введена должность комиссара по украинским делам, оно, не поступившись своей законодательной властью, обещало согласовывать с Радой законодательство по Украине. С Керенским договорились о комплектовании украинских частей украинцами.

Когда вернувшиеся в Петроград министры доложили коллегам об итогах переговоров с Радой, 2 июля возмущенные кадеты вышли из правительства, что положило начало июльскому политическому кризису в Петрограде. Оставшиеся министры признали Генеральный секретариат высшим органом управления региональными делами, назначаемым Временным правительством по согласованию с Центральной Радой. Последней предлагалось разработать проект национально-территориальной автономии для утверждения правительством. В ответ 3 (16) июля Центральная рада приняла свой Второй универсал, где подтвердила, что «всегда стояла за то, чтобы не отделять Украину от России», и сообщила об уступках Временному правительству – об утверждении состава Генерального секретариата в Петрограде, о подготовке законодательства о национально-территориальной автономии для принятия всероссийским Учредительным собранием³. Треть депутатов Рады выступили против этих уступок. После дополнения Рады представителями национальных меньшинств (около трети ее состава, 18 членов Малой рады), Генеральный секретариат также был реорганизован на многоэтнической основе, хотя украинцы сохранили в нем ве-

³ Ibid., с. 163–165.

дущие позиции. 9 августа в Центральную раду на время вступили даже большевики.

Впрочем, влияние большевиков после событий 3–4 июля в Петрограде на время упало. 5 июля в Киеве произошел мятеж националистического полка имени Полуботка. Но Рада не поддержала это выступление против Временного правительства и была готова договариваться. Полк был разоружен, солдаты отправлены на фронт.

Лидеры Центральной рады подготовили проект устава Генерального секретариата, регулирующий его полномочия, то есть, таким образом – сферу украинской автономии. В уставе говорилось и о Центральной раде как органе революционной демократии всех народов Украины, который служит утверждению автономии Украины и ведет подготовку к Российскому и Украинскому учредительным собраниям. Таким образом, лидеры Центральной рады пытались легитимизировать не только Генеральный секретариат, но и права Рады, а также идею Украинского учредительного собрания. 15 июля В. Винниченко в сопровождении министров Христофора Барановского и Моисея Рафеса отправился утверждать состав Генерального секретариата и его устав в Петроград. Там украинцы встретили холодный прием.

Победив своих противников слева, А. Керенский воссоздал под своим руководством коалицию с кадетами. Соотношение сил в стране изменилось, да и попытка наступать на Юго-западном фронте провалилась. Теперь уступки украинским «сепаратистам» были не ко времени. Поскольку проект устава Генеральному секретариату вышел за рамки киевских договоренностей, он был отвергнут комиссией Временного правительства. Вместо него правительство 4 августа выпустило инструкцию Генеральному секретариату, которая ставила этот орган в свое административное подчинение, не признавала властных полномочий за Центральной радой и ограничивала территорию, подчиненную Генеральному секретариату Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и частично Черниговской губерниями. Временное правительство запрещало Генеральному секретариату иметь в своем составе секретариаты по военным, судебным и продовольственным делам, путей сообщения, почт и телеграфов. Впрочем, большинство этих сфер еще недавно и сам Михаил Грушевский относил к компетенции российского центра.

Решение Временного правительства возмутило депутатов Малой рады. Позднее В. Винниченко вспоминал: «Инструкция была ничем иным, как циничным, бесстыдным и провокационным нарушением соглашения 16 июля и откровенным желанием вырвать из рук украинства все его революционные

достижения»⁴. Впрочем, как раз в августе 1917 г. В. Винниченко был настроен куда спокойнее: «Инструкция – это уже признание принципа автономии, которого мы вначале только и добивались. Но теперь мы добились большего, чем хотели два месяца назад. Признание самой идеи автономии, а не «областного самоуправления», гораздо важнее [...] Если мы поглядим на фактическое соотношение сил, то можем сказать, что инструкция открывает для нас широкое поле как моральной, так и публично-правовой работы. И меня удивляют некоторые товарищи, которые так пессимистично смотрят на этот документ»⁵. Действительно, инструкция закрепляла автономию Украины и предоставляла ей четкие границы, в которые были включены территории с очевидным преобладанием именно украиноговорящего населения. В инструкции даже упоминалась Центральная рада, хотя за ней какие-то права не признавались (что естественно, ведь предметом регулирования был именно Генеральный секретариат). Так что умеренный оптимизм В. Винниченко был реалистичен. Позднее, когда Временное правительство превратилось в «козла отпущения» за беды 1917 года, В. Винниченко в своих мемуарах присоединился к хору возмущения по поводу украинской политики «временщиков».

Отсылка В. Винниченко к реальному соотношению сил августа 1917 г. не была случайной – после июльской победы позиции Керенского и более правых сил укрепились, и в этой обстановке Центральная рада могла вообще потерять свои позиции. В русскоязычной прессе развернулась кампания травли украинских лидеров за «связи с немцами» (что было частью общей июльско-августовской кампании против левых сил с типовыми обвинениями). В этих условиях Рада вынуждена была подчиниться инструкции, не признавая ее официально и не отказываясь от борьбы за расширение автономии, в том числе – и территориальной. После долгого согласования 21 августа Винниченко сформировал новый Генеральный секретариат в соответствии с инструкцией, и 1 сентября его утвердило Временное правительство.

11 августа в связи с новым наступлением немцев глава Украинского генерального войскового комитета Симон Петлюра призвал украинцев: «Если в виду военных обстоятельств придется ехать на какой-то фронт, безусловно, нужно ехать, ибо фронт один»⁶.

Однако ситуация вновь изменилась, корниловское выступление нарушило баланс власти. Позиции «партии порядка» резко ослабели. 8 сентября Киевский

⁴ ВИННИЧЕНКО, В. *Відродження нації (Історія української революції [марець 1917 р. — грудень 1919 р.])*. Ч. 1. Київ, Відень, 1920, с. 319–320.

⁵ *Українська Центральна рада...*, с. 220, 547.

⁶ ПЕТЛЮРА, С. *Главный атаман. В плену несбыточных надежд*. Москва, Санкт-Петербург, 2008, с. 218.

совет рабочих депутатов, частично перевыбранный, впервые принял большевистскую резолюцию о текущем моменте. Меньшевики и эсеры, как и в Петрограде и Москве, подали в отставку из исполкома. Впрочем, эта большевизация не помешает Киевскому совету занять компромиссную позицию во время Октябрьского переворота.

Очаги фактической советской власти возникали в некоторых регионах Украины. Так, в Гуляй-поле был создан Крестьянский совет во главе с анархистом Нестором Махно, который взял власть в свои руки и стал проводить социальные преобразования, ликвидировав в августе-сентябре помещичье землевладение. Профсоюз, также возглавленный Н. Махно, силой принуждал предпринимателей к выполнению требований рабочих.

Центральная рада открыто готовила выборы в Украинское учредительное собрание. Это вызвало гнев и угрозы со стороны Керенского, который вызвал Винниченко в Петроград. Глава Генерального секретариата прибыл в столицу как раз в тот момент, когда началась Октябрьская революция.

Октябрьский переворот и национальная дезинтеграция

Неокупированная немцами часть Балтии и Белоруссии оказалась под контролем большевиков из-за высокой концентрации здесь большевизированных войск. В ходе октябрьских боев Киев оказался под контролем войск Центральной рады. Большевики действовали легально и требовали созыва Съезда Советов. Но когда он был созван в декабре, большевики проиграли борьбу на нем и 12 декабря провозгласили Советскую Украину (УССР) в Харькове, на востоке. В Баку – крупнейшем экономическом центре Закавказья – большевики заняли доминирующие политические позиции, опираясь то на тюркскую общину, то на армянскую. В любом случае говорить о политической монополии в национальных регионах в это время не приходилось. Но октябрьский переворот стал поводом для лидеров национальных движений Украины, Финляндии и Закавказья, чтобы дистанцироваться от Москвы, развернуть борьбу за расширение подконтрольной территории, не признавая новое центральное правительство, но и не выходя из состава России, требуя ее федерализации.

Приход большевиков к власти в Центральной России поставил перед ними множество проблем, среди которых Закавказье пока оставалось ближе к концу списка. Но все же оно не выпадало из поля зрения Ленина и его соратников, среди которых был и грузин Иосиф Сталин, и армянин Степан Шаумян, 16 декабря 1917 г. назначенный чрезвычайным комиссаром СНК РСФСР по делам За-

Кавказья, то есть, в прежней терминологии – наместником на Кавказе. Правда, подведомственная С. Шаумяну территория по большей части не признавала советское правительство, но во всех частях Закавказья было немало сторонников большевистского социального проекта – от леворадикальной интеллигенции до тюркских крестьян, принявших жечь усадьбы тюркских же помещиков, которые наивно искали объяснение социальных конфликтов в происках большевиков, по словам бека С. Шамхорского, это С. Шаумян «желая предотвратить армяно-татарскую резню, натравливал [...] крестьян на помещиков»⁷. Национальные проекты еще не доказали, что смогут устоять против большевистского натиска.

На захват власти в Петрограде большевиками национальные партии ответили 15 ноября 1917 г. созданием Закавказского правительства, не признававшего власть Советов – Закавказского комиссариата. Это правительство считалось автономным региональным и, подобно Центральной раде Украины, готово было участвовать в создании центральной российской власти на федеративных началах.

Перед Закавказским комиссариатом встали те же основные проблемы, что и перед Центральной Радой: внешнеполитическая и социальная.

16 декабря Закавказский комиссариат принял закон о передаче государственных и частновладельческих земель земельным комитетам. Но на значительной части Закавказья таких комитетов не было. Крестьяне-мусульмане либо не поддерживали земельную реформу как противоречащую шариату, либо силой захватывали земли беков и жгли их поместья, убивая их обитателей.

У большевиков не было ясной программы нациестроительства на Кавказе. Они считали национальные проблемы вторичными в отношении социальных, а решением национального вопроса – сотрудничество людей разных национальностей без оглядки на этнические различия. Совещание большевистских организаций Закавказья в октябре 1915 г. выдало типичную для большевиков формулировку: «Нужно призывать рабочие массы и широкие массы населения Кавказа не поддаваться провокации командующих классов, националистических партий и помнить, что только в братском единении демократии всех национальностей залог их победы и освобождения и, что наоборот, дальнейшее усиление национальной вражды может превратить Кавказ в арену кровавых национальных столкновений»⁸. Все просто. Только непонятно, как предотвратить усиления этой национальной вражды. Проблема не стала проще и после провозглашения права наций на самоопределение вплоть до отделения, которое подтвердил I съезд большевистских организаций Кавказа 2–7 октября 1917 г. Но

⁷ *Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг.* Ред. З. ИБРАГИМОВ, М. ИСКЕНДЕРОВ. Баку, 1957, с. 303.

⁸ Цит. по: ИСКЕНДЕРОВ, М. *Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти.* Баку, 1958, с. 66.

как делить перемешанные народы Кавказа? Обратной стороной признания права на отделение стал призыв к тесному единению народов Кавказа.

Сделать население более однородным в национальном плане здесь было нельзя без этнических чисток, которые совершенно не входили в планы большевиков. Они надеялись вывести национальный вопрос на периферию истории, чтобы он не мешал главному направлению – социальному переустройству, строительству коммунизма. Победа коммунизма приведет к автоматическому отмиранию национальных перегородок и предрассудков, а пока этого не произошло, можно идти на уступки этим предрассудкам, чтобы они не мешали в главном. Закавказье должно стать сообществом советских республик, которые в зависимости от ситуации можно строить и на экономической, и на национальной основе. Лишь бы все они были советскими, а затем и социалистическими.

После Октября Центральная рада выступала с поддержкой проекта однородного социалистического правительства, который в ее интерпретации приобрел федералистские черты. Рада стремилась к консолидации как левого политического спектра, так и территориальных образований, которые претендовали на контроль за частью территории бывшей Российской империи.

Проект однородного социалистического правительства, дававший шанс на предотвращение раскола страны и гражданской войны, потерпел неудачу на переговорах в Петрограде, но некоторое время сохранял актуальность для Центральной рады. Соответственно, вплоть до января 1918 г. сторонники этого же проекта левые эсеры оставались важным мостом между Радой и Совнаркомом, в который они вошли. Характерно, что левые эсеры готовили основы аграрных законов как в России, так и на Украине (в качестве левого крыла УПСР), но сами аграрные преобразования на принципах социализации и земельного передела в России проводились решительно, а на Украине – нет.

Дело в том, что лидеры Центральной рады были националистами и социалистами, что определяло основное противоречие их политики. Им пришлось выбирать между целями национальной консолидации и социальными преобразованиями, которые ее неизбежно нарушают.

Лидеры Центральной рады не учли печальный опыт Временного правительства, который показал, что в условиях революции затягивание преобразований ведет к катастрофическому сокращению социальной базы власти.

7 (20) ноября Центральная Рада приняла III Универсал, который провозглашал Украину автономной частью России, а Генеральный секретариат – правительством Украины в ее «этнических» границах, к которым были отнесены и явно многоэтничные губернии с украинским большинством.

В III Универсале утверждалось, что Киевская, Черниговская, Волынская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская губернии и материковая часть Таврической губернии (без Крыма) входят в состав Украины. Таким образом, были выдвинуты претензии на большую, чем раньше, территорию. Заинтересованные во влиянии на Украину в целом, большевики признали эти широкие границы, так как пользовались большим влиянием на востоке Украины. Так задачи социально-политического проекта большевиков способствовали созданию большего по размерам Украинского государства.

До Украинского Учредительного собрания Рада брала на себя законодательные полномочия. Универсал провозглашал, что в России больше нет признанного правительства, и теперь необходимо вместе создавать общероссийские «государственные формы». Объявлялось о социальных реформах: отменялось право собственности на помещичьи земли и земли иных нетрудовых хозяйств, которые до Учредительного собрания должны были перейти к земельным комитетам. Провозглашался восьмичасовой рабочий день. Выступив за «равномерное распределение продуктов», Универсал поручал генеральному секретариату труда вместе с организациями трудящихся установить государственный контроль над производством «с учетом интересов как Украины, так и всей России»⁹. Отменялась и смертная казнь. Национальным меньшинствам была обещана «национально-персональная» (национально-культурная) автономия.

Но социальные преобразования практически не начались. Промедление с реформами определило падение влияния Рады – социальный фактор в условиях революции был важнее национального. Но в условиях противостояния более радикальному большевизму украинские социалисты пытались защититься от него национальным щитом.

В Киеве стала проводиться украинизация, выразившаяся во введении государственного языка в официальный документооборот. Как вспоминал член Рады от «меньшинств» Алексей Гольденвейзер, «предстоящая украинизация приводила в смущение всех неукраинцев, причастных к школе, науке, адвокатуре. Украинский язык, с которым впоследствии немного свыклись, вызывал аффектированные насмешки; никто не собирался учиться этому языку»¹⁰.

Если в городах эта политика не пользовалась большой популярностью, то село подержало на выборах в Учредительное собрание именно украинские социалистические партии. Правда, выборы в украинское Учредительное собрание фактически провалились, но они проходили уже во время начавшейся гражданской войны.

⁹ *Українська Центральна рада...*, с. 400.

¹⁰ *Революция на Украине по мемуарам белых*. Сост. С. АЛЕКСЕЕВ, ред. Н. ПОПОВ. Москва, Ленинград, 1930, с. 18.

На этом этапе национальный фактор успешно конкурировал с социальным, но только при условии, что само национальное движение было автономистским, не отпугивая население неопределенной перспективой независимости.

Внешний вызов и национальный фактор

Важнейшей проблемой для народов России стал выход из войны. Лидеры национальных движений настаивали на своем праве участвовать в определении условий мира. Ни Центральная рада, ни Закавказский секретариат не признавали права Совета народных комиссаров (коалиция большевиков и эсеров) единолично заключать мир от имени всей России. Это создавало для австро-германской и турецкой дипломатии прекрасные возможности для маневра, которые были с успехом реализованы в Бресте и на Кавказе. Украинские представители были готовы договориться с немцами за счет России, грузинские и армянские лидеры считали, что смогут добиться лучших условий на Кавказе, а тюркские – сочувствовали Османской империи.

В этих условиях неспособность большевиков договориться с национальной оппозицией вела к катастрофическим внешнеполитическим последствиям. Попытка решить этот вопрос силой привела в январе к войне между РСФСР, Советской Украиной и Украинской народной республикой (УНР), которая провозгласила независимость. 8 февраля советские войска (в которых воевали и украинцы) взяли Киев, но уже 9 февраля представители УНР заключили мир с Германией и её союзниками, пригласив на Украину их войска. Это предопределило Брестскую катастрофу российской внешней политики.

Таким образом, провозглашение независимости и на Украине, и на Кавказе, стало результатом внешнеполитической проблемы – германского натиска. Но прямое столкновение сторонников независимости и радикального социального проекта на Украине дали преимущество последним – мобилизационная база независимцев оказалась слабой. На Кавказе национальная мобилизация была гораздо сильнее, но уравновешивалась межнациональными конфликтами, в которых Россия сохраняла потенциальную роль арбитра. В успехе сторонников советской власти на Украине свою роль сыграло и вмешательство советской России, которое, однако, было быстро побеждено германским вмешательством.

Брестский мир облегчил процесс распада государства в границах Российской империи, которые были сокращены с помощью австро-германо-турецких штыков. Под контролем Германии оказались Финляндия, Эстония, Латвия (как раньше Литва и российская часть Польши). Оккупирована была Украина и

часть Белоруссии, а также ряд южных регионов России. Османская империя, благодаря попыткам закавказских политиков вести самостоятельную внешнюю политику, перешла границы, согласованные в Бресте и вторглась на Кавказ, от чего сильнее всего пострадали армяне.

Но как только блок Центральных держав проиграл войну, советский проект вернулся почти на всю территорию, потерянную в Бресте. И уже в 1918–1921 гг. народам приходилось выбирать между национал-коммунизмом и антисоветскими национальными проектами. Большевизм постепенно усвоил уроки национального сопротивления и был готов идти на широкие уступки национальной самостоятельности и культуре при одном важнейшем условии – власть в национальных регионах должна быть выстроена по советскому образцу и принадлежать местной коммунистической партии, которая подчиняется Москве и общей стратегии социальных преобразований. Эта модель возобладала на всей территории бывшей Российской империи, кроме ее западной части, на возвращение которой в 1919–1921 гг. не хватило военных сил. Свою роль в таком исходе сыграли как чисто военные обстоятельства, так и мобилизационный потенциал национальной идеи в Польше и странах Балтии. Но не на Украине и на Кавказе.

Ленина волновали возможности глобального расширения коммунистической системы, он готов был идти на уступки национальным группировкам номенклатуры. Это усиливало «сцепку» режима с этно-культурной и местной социально-экономической почвой, но в долгосрочной перспективе подрывало целостность коммунистической системы. Это противоречие преследовало коммунистическое движение всю его историю.

Список исследований, цитируемых в статье

ЖУКОВ, Юрий. *Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи – к СССР*. Москва, 2011.

ИСКЕНДЕРОВ, Мамед. *Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти*. Баку, 1958.

THE NATIONAL FACTOR IN THE 1917 REVOLUTION

Aleksandr Shubin

Summary

The social explosion of 1917 that broke out in Imperial Petrograd sent waves that affected very different societies: from ethnically consolidated Poland, at least in the territorial nucleus, to the ethnic patchwork in the Caucasus, and from fairly developed (for that time) agrarian-industrial European parts of the Russian Empire to Central Asia. After reports of the collapse of the autocratic system, in almost all the 'national peripheries' of the empire, three political centres formed: the social movements loyal to the Provisional Government, Workers', Soldiers' and Peasants' Soviets (Councils) which expressed only reserved support for the government, and national movements which favoured their own regional autonomy. Most did not even raise the issue of independence, and envisaged a federal future for Russia.

The strongest national-political centres of this type included the Central Rada in Ukraine, the Armenian National Council, and the Finnish Parliament. Strong national parties also operated in Azerbaijan and Georgia. The fate of national movements depended on their ability to organise their own military formations. The greatest achievements in the field belonged to Ukraine, Armenia, Georgia and Finland. Immediately after the February Revolution in Russia, the Ukrainian Rada, founded in Kiev, was based on specific military power: on 5-8 May 1917, the First All-Ukraine Congress of Soldiers, whose 700 delegates represented up to 900,000 soldiers and officers, supported the formation of Ukrainian military units and the territorial autonomy of Ukraine, and the representatives elected by the Congress became members of the Central Rada.

The situation in Ukraine was vitally important to the course of the Russian Revolution, due to the situation on the Ukrainian front, the rich resources of the country, and also the energy of its national leaders. The paper shows how in 1917 relations between the Central Rada and the Russian government developed on issues of autonomy, subordination, and the size of the area of Ukraine.

Another important revolutionary impulse was the October Revolution. The Bolsheviks took control of the unoccupied Baltic countries and part of Belarus, thanks to the large concentration of Bolshevik military units in the area. However, the forces of the Central Rada in Kiev managed to hold out against the Bolsheviks. The latter acted legally, and demanded to convene a Soviet meeting. However, after it had been convened, the Bolsheviks lost the fight in it, and on 12 December they declared Soviet Ukraine in the east, in Kharkiv. In Baku, the largest economic centre in the Caucasus, the Bolsheviks managed to occupy the main political positions on the basis sometimes of the Turkic, and sometimes the Armenian communities. However, in general, for the leaders of the national movements of Ukraine, Finland and Transcaucasia, the October Revolution was an excuse to alienate themselves from Moscow, and to start to fight for the expansion of the territories controlled by them, while simultaneously refusing to recognise the new central government, but not leaving the composition of Russia, just demanding federalisation.

One of the main challenges to Russia at the beginning of 1918 was withdrawal from the war. Neither the Central Rada nor the Transcaucasian Secretariat recognised the right of the coalition of Bolsheviks and Socialist Revolutionaries (the Council of People's Commissars) to unilaterally seek peace on behalf of all Russia. An attempt to solve the issue by force led to a war between the Russian Soviet Federal Socialist Republic, Soviet Ukraine, and the Ukrainian People's Republic, which had remained autonomous after the October Revolution, but at the time declared its independence. On 8 January, Bolshevik troops occupied Kiev; and the next day the Ukrainian People's Republic concluded peace with Germany and its allies, and invited their troops into Ukraine. For Russian foreign policy, this meant the disaster of Brest-Litovsk.

However, the direct clash between supporters of independence and supporters of the radical social project in Ukraine gave the advantage to the latter, as the mobilisation basis of the supporters of independence proved to be weak. The leaders of the Central Rada did not learn from the sad experience of the Russian Provisional Government, which showed that, during the revolution, procrastination on social reforms led to a catastrophic decline in the social base of the government. The national mobilisation in the Caucasus was much stronger than in Ukraine; however, its effectiveness was blocked by local conflicts between different nations, in which Russia maintained the position of a potential arbiter.

However, Bolshevism formed its own balance between the social project and national factors, and was ready to make major concessions to national sovereignties and cultures on one key condition: the government in the national regions had to be arranged in compliance with the Soviet model, and to belong to the local communist party, answering to Moscow and to the general strategy of social change. The model was reinforced all over the former Russian Empire, except for its western part, for the recovery of which in the years 1919 to 1921 military power was insufficient. In this way, certain roles were played by both pure military circumstances and the potential of the national idea in Poland and the Baltic countries, but not in Ukraine or the Caucasus.

Lenin was concerned about the global expansion of the communist system. Therefore, he was ready to make concessions to nationalist nomenklatura groups. That strengthened the 'linking' of the regime with the ethnocultural and local social-economic basis; however, in the long run, it destroyed the integrity of the communist system. The contradiction accompanied the communist movement all through its history.

NACIONALINIS VEIKSNYS REVOLIUCIJOJE (1917 METAI)

Aleksandr Šubin

Santrauka

1917-ųjų socialinis sprogdimas, kilęs imperijos centre Petrograde, tarytum banga palietė pačius skirtingiausius sociumus – nuo bent jau teritoriniame branduolyje etniškai konsoliduotos Lenkijos iki etninių rėžių sistemos Kaukaze, nuo vidutiniškai išvystytų (tuo laikotarpiu) agrarinių-industrinių europinių Rusijos imperijos dalių iki Vidurinės Azijos. Po pranešimų apie patvaldystės sistemos žlugimą beveik visuose imperijos „nacionaliniuose pakraščiuose“ formavosi trys politiniai centrai: visuomeniniai sambūriai, lojalūs laikinajai vyriausybei, darbininkų, kareivių ir valstiečių deputatų tarybos, kurios vyriausybei reiškė tik rezervuotą paramą, ir nacionaliniai sambūriai, pasisakę už savų regionų autonomiją. Daugelis jų nekėlė nepriklausomybės klausimo, bet matė federacinę Rusijos ateitį.

135

Stipriausi tokio pobūdžio nacionaliniai-politiniai centrai buvo Centrinė rada Ukrainoje, Armėnijos nacionalinė taryba, Suomijos parlamentas. Stiprios nacionalinės partijos taip pat veikė Azerbaidžiane ir Gruzijoje. Nacionalinių judėjimų likimas priklausė nuo jų gebėjimo suformuoti savas karines formuotes. Daugiausia šiuo klausimu pasiekė Ukraina, Armėnija, Gruzija ir Suomija. Iškart po Vasario revoliucijos Rusijoje suformuota Ukrainos centrinė rada Kijeve rėmėsi konkrečia karine galia: 1917 m. gegužės 5–8 d. įvykęs pirmasis visos Ukrainos karių suvažiavimas, kurio septyni šimtai delegatų atstovavo iki devynių šimtų tūkstančių karių ir karininkų, pasisakė už ukrainizuotų karinių dalinių formavimą ir teritorinę Ukrainos autonomiją, o suvažiavimo išrinkti atstovai tapo Centrinės rados nariais.

Padėtis Ukrainoje turėjo itin didelę reikšmę visai Rusijos revoliucijos eigai: tiek dėl Ukrainos fronto padėties, tiek dėl šio krašto gausių išteklių, tiek ir dėl jos nacionalinio judėjimo lyderių energingumo. Straipsnyje parodoma, kaip 1917 m. vystėsi santykiai tarp Centrinės rados ir Rusijos vyriausybės, apėmę autonomijos, subordinavimosi, Ukrainos teritorinės apimtys klausimus.

Kitu svarbiu revoliuciniu impulsu tapo Spalio perversmas. Neokupuota Baltijos šalių ir Baltarusijos dalis atiteko bolševikų kontrolei dėl didelės bolševizuotų dalinių koncentracijos šioje teritorijoje. Tačiau Kijeve prieš bolševikus sugebėjo atsilaikyti Centrinės rados pajėgos. Bolševikai veikė legaliai ir reikalavo sušaukti tarybų suvažiavimą. Bet kai jis buvo sušauktas, bolševikai pralaimėjo kovą jame ir gruodžio 12 d. paskelbė Tarybų Ukrainą Charkove, rytuose. Baku, kuris buvo stambiausias Užkaukazės ekonominis centras, bolševikai sugebėjo užimti vyraujančias politines pozicijas, remdamiesi tai tiurkų, tai armėnų bendruomenėmis. Tačiau apskritai Spalio perversmas Ukrainos, Suomijos ir Užkaukazės nacionalinių judėjimų lyderiams tapo dingstimi tolti nuo Maskvos ir pradėti kovą dėl savo kontroliuojamos teritorijos išplėtimo, nepripažįstant naujosios centro vyriausybės, bet ir neišeinant iš Rusijos sudėties, reikalaujant jos federalizacijos.

Vienu svarbiausių iššūkių Rusijai 1917–1918 m. sandūroje šiuo atveju tapo pasitraukimas iš karo. Nei Centrinė rada, nei Užkaukazės sekretoriatas nepripažino bolševikų ir eserų koalicijos (Liaudies komisarų tarybos) teisės vienašališkai sudaryti taiką visos Rusijos var-

du. Bandytas spręsti šį klausimą jėga privedė prie Rusijos TFSR, tarybinės Ukrainos ir Ukrainos liaudies respublikos, kuri po Spalio perversmo dar buvo autonominė, o dabar paskelbė savo nepriklausomybę, karo. Sausio 8 d. bolševikų pajėgos užėmė Kijevą, tačiau jau kitą dieną Ukrainos liaudies respublikos atstovai sudarė su Vokietija ir jos sąjungininkėmis taiką, pakviesdami jų kariuomenę į Ukrainą. Rusijos užsienio politikai tai reiškė Brest Litovsko katastrofą.

Vis dėlto tiesioginis nepriklausomybės ir radikalojo socialinio projekto šalininkų susidūrimas Ukrainoje suteikė privalumų pastariesiems, mat nepriklausomybės šalininkų mobilizacinė bazė pasirodė esanti silpna. Centrinės rados lyderiai nepasimokė iš liūdno Rusijos laikinosios vyriausybės patirties, kuri parodė, kad revoliucijos sąlygomis socialinių transformacijų vilkinimas veda prie katastrofiško valdžios socialinės bazės sumažėjimo. Kaukaze nacionalinė mobilizacija buvo kur kas stipresnė nei Ukrainoje, tačiau jos efektyvumą stabdė vietiniai tarp skirtingų tautų kilę konfliktai, kuriuose Rusija išlaikė potencialių arbitro vaidmenį.

136

Vis dėlto bolševizmas suformavo savą socialinio projekto ir nacionalinių veiksmų balansą, buvo pasirengęs daryti stambias nuolaidas nacionaliniam savarankiškumui ir kultūrai, paisant vienos svarbiausių sąlygų – valdžia nacionaliniuose regionuose turėjo būti išrikiuota pagal tarybinį modelį ir priklausyti vietinei komunistų partijai, kuri būtų subordinuota Maskvai ir bendrajai socialinių pokyčių strategijai. Šis modelis įsivyravo visoje buvusios Rusijos imperijos teritorijoje, išskyrus jos vakarinę dalį, kuriai susigrąžinti 1919–1921 m. nepakako karinių galių. Savą vaidmenį tokiai baigčiai suvaidino tiek grynai karinės aplinkybės, tiek ir mobilizuojantis nacionalinės idėjos potencialas Lenkijoje ir Baltijos šalyse, bet ne Ukrainoje ar Kaukaze.

Leninui rūpėjo globalus komunistinės sistemos išplėtimas, tad jis buvo pasirengęs daryti nuolaidas nacionalinėms nomenklatūroms grupuotėms. Tai stiprino režimo „sukabinimą“ su etnokultūrine ir vietine socialine-ekonomine dirva, tačiau ilgalaikėje perspektyvoje suskaidė komunistinės sistemos vientisumą. Ši priešara lydėjo komunistinį judėjimą per visą jo istoriją.